

Отзыв

на диссертацию Надежды Александровны Ждановой
«Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном
и коммуникативном аспектах (на материале речи китайского этнолекта)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 — теория языка

Объектом диссертационного исследования Н. А. Ждановой стал русско-китайский пиджин Забайкалья, а предметом исследования — различные структурные черты этого пиджина и его функционально-коммуникативная специфика. Это обусловило и структуру диссертации: в центральных главах, второй и третьей, дается всесторонняя характеристика забайкальского пиджина, а первая посвящена введению в проблематику изучения пиджинов как специфического результата языковых контактов при особом внимании к пиджинам на русской лексической основе.

«Положение о присуждении ученых степеней», утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 ставит перед оппонентом задачу оценить «актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизну» (п. 23 Положения).

Актуальность темы обусловлена в первую очередь слабой изученностью русско-китайских языковых контактов на современном этапе. Единственная работа, посвященная тому же объекту исследования — статья Ян Цзе (2007). Между тем описание всякого пиджина имеет важное значение для лингвистической теории, а продукты контактов изолирующего языка с выраженно флективным особенно интересны. Материалом диссертации послужили полевые записи речи носителей китайского этнолекта; сделаны они в основных центрах бытования пиджина. Достаточно большой объем записей (более 50 страниц расшифрованного текста) вкуче с демонстрируемы в первой главе хорошим знанием теории функционирования пиджинов служит гарантией обоснованности и достоверности выводов диссертационного исследования Н. А. Ждановой. Новизна рецензируемой работы очевидна: это первое всестороннее описание забайкальского русско-китайского пиджина.

Отмечу особо одну грань актуальности и практической пользы рецензируемого диссертационного исследования: ясное представление о структурных особенностях стихийно складывающегося китайского этнолекта рассматриваемого пиджина чрезвычайно полезно с лингводидактической точки зрения. Можно надеяться, что работа Н. А. Ждановой окажется востребованной при подготовке пособий по обучению китайцев нормативному русскому языку.

В первой главе «Пиджин как одна из своеобразных форм межъязыковых контактов», наряду с характеристикой пиджинов как специфического типа контактных языков, дано основательное описание пиджинов на русской основе. Как и предполагает тематика диссертации, основное внимание уделено результатам русско-китайских языковых

контактов. В этой же главе Н. А. Жданова дает социолингвистическую характеристику своего объекта исследования и определяет место современного русско-китайского пиджина Забайкалья среди других форм контактных языков.

О том, насколько фундаментален обзор не особенно многочисленной литературы по теме диссертации, говорит один курьез. Я искренне удивился ссылкам на мой текст «Отзыв о статье Ян Цзе "Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического описания" [электронный ресурс]» (№ 13 в библиосписке): это внутренняя рецензия для «Вопросов языкознания», написанная в мае 2006 года.

Вообще говоря, такие отзывы пишутся не для обнародования, во всяком случае неэтично делать это на форуме без согласования с автором отзыва, как поступил Laotou. За этим ником стоит читинец Алексей Баранов, десять лет назад работавший в Китае и помогавший Ян Цзе при редактировании его статьи в отношении русского языка; в этих обстоятельствах я и посылал ему свой отзыв и некоторые содержательные соображения по редактуре.

Конечно, диссертант ни в коей мере не ответствен за беспардонность А. Баранова, а то обстоятельство, что моя рецензия оказалась учтенной Н. А. Ждановой, говорит лишь о ее добросовестности в поисках публикаций по теме диссертации. Поскольку мой текст стал публичным, хотел бы для полной ясности датировать его 2006 годом¹, иначе в нем видны явные анахронизмы.

В разделе 1.5.3 диссертант приводит классификацию территориально-хронологических вариантов русско-китайского пиджина Е. А. Оглезневой, а затем предлагает аналогичную собственную классификацию.

У Оглезневой противопоставлены «Русско-китайский пиджин конца XIX — нач. XX вв. (дореволюционный)» и «Русско-китайский пиджин 20-30-х гг. XX в. (послереволюционный)». Эти варианты различались явно меньше, чем повседневный узус петроградских, московских или владивостокских мещан 1913 и 1923 гг.: на рубеже 10-х и 20-х годов контингент китайцев (как постоянно живущих в Приморье, так и сезонных рабочих) и их русскоязычных собеседников не менялся, а набор коммуникативных ситуаций, в которых использовался пиджин и тематика бесед, были гораздо уже, нежели в русскоязычной среде.

Разумеется, лексикон приморского пиджина увеличивался в объеме, но при резкой смене общественных отношений то же повсеместно происходило и с русским языком (в Приморье — особенно после ликвидации ДВР в 1922 г.).

Параллельность процессов в пиджине и стандартном русском хорошо иллюстрируется, с одной стороны, представленной в архиве А. Г. Шпринцина поговоркой с рискованной игрой слов *Каму нара харашо, кому низа пылоха* (орфография Шпринцина) 'Кто на нарах — [тому] хорошо, кто внизу [под нарами] — плохо', а с другой стороны — «тюремной прибауткой», зафиксированной Жаком Росси: *Кому нары — хорошо! Кому*

¹ Пост Laotou на форуме polusharie.com, содержащий мой отзыв, датирован 02 Января 2008.

низ-то очень плохо!² Первичен здесь, конечно пиджин (Росси явно указывает на «подражание китайцу», плохо говорящему по-русски). *Коммунары* и *коммунизм* вошли и в пиджин, и в стандартный русский, появление этих и семантически сходных единиц разумеется, отмечает новые этапы в истории языков, но в классификации Оглезневой два упомянутых варианта пиджина рядоположены с принципиально отличным от них «Современным русско-китайским пиджином 90-х гг. XX — 10-х гг. XXI в.».

Н. А. Жданова справедливо отказывается от противопоставления дальневосточных пиджинов столетней давности, в ее классификации фигурирует единый «Дальневосточный вариант русско-китайского пиджина сер. XIX — нач. XX в.».

Однако, называя варианты пиджина *территориально-хронологическими*, для наших дней она выделяет лишь «Современный русско-китайский пиджин Забайкалья (забайкальско-маньчжурский пиджин) конца XX — нач. XXI в.». Эта небрежность объясняется тем, что именно забайкальский пиджин находится в центре внимания диссертанта; о функционировании других территориальных вариантов современного пиджина, она, разумеется знает, они неоднократно упоминаются в разделе 1.5.3.

На стр. 54 Н. А. Жданова вводит термины *субстративные* и *суперстративные явления*, этим явлениям далее посвящены специальные разделы (1.7.1 и 1.7.2). Желание избежать более традиционных прилагательных *субстратный* и *суперстратный* вполне понятно: у компаративистов производящие термины *субстрат* и *суперстрат* относятся к мертвым языкам³, в креолистике же они используются несколько иначе, о чем и пишет диссертант, вводя новые термины: «субстрат (язык, по типу которого строится грамматика пиджина) и суперстрат (базисный язык, язык-лексификатор)» (стр. 54).

Однако введение новых терминов-прилагательных все равно не позволяет избежать возможного недопонимания терминов-существительных со стороны читателей, плохо знакомых с проблематикой контактных языков, а избежать использования терминов *субстрат* и *суперстрат* не удастся.

В такой ситуации я не вижу оснований для перехода в контактологических работах от терминов *субстратный* / *суперстратный* к *субстративный* / *суперстративный*, тем более, что в западных языках при адъективном использовании терминов типа *substrate* нет суффиксов адъективации, а русское *-ив-* в такого рода словах всегда восходит к *-iv-* в языке-доноре, однокоренные же «без-ивные» прилагательные образуются с помощью суффикса *-н-* на отечественной почве, ср. такие словообразовательные ряды:

subject(us) > субъект → субъект-н-ый → субъект-н-ость

² Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу, ч. 1, М., «Просвет», 1991, с. 165.

³ В отечественной практике термины *субстрат* и *суперстрат* появляются при развенчании марризма и оба фигурируют уже в самом первом номере возникшего тогда журнала «Вопросы языкознания» (Б. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров. Проблема образования и развития языковых семей // ВЯ, 1952, № 1, стр. 58). Несколько позже в этом издании появляется и прилагательное *субстратный*, впервые, кажется, в статье В. Н. Ярцевой в № 6 за 1956 год. В компаративистском смысле толкуются рассматриваемые термины в словаре О. С. Ахмановой (1966), в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) и других справочных изданиях.

subject-iv-(us) > субъект-ив-н-ый → субъект-ив-н-ость

effectus > эффект → эффект-н-ый → эффект-н-ость

effect-iv-us > эффект-ив-н-ый → эффект-ив-н-ость

defect > дефект → дефект-н-ый → дефект-н-ость

defective > дефект-ив-н-ый → дефект-ив-н-ость

Там, где русское прилагательное приобретает специализированное значение, вполне часты словообразовательные расхождения типа англ. *defective paradigm*, но русск. *дефектная парадигма*, а не *дефективная*.

Впрочем, претензия моя чисто вкусовая, и Н. А. Жданова имеет полное право на терминотворчество.

Что касается второй и третьей глав (соответственно, «Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном аспекте» и «Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в коммуникативном аспекте»), то тут мне комментировать нечего — остается лишь принять к сведению наработки диссертанта. При этом хочу отметить, что авторы контактологических работ нередко забывают о социальной стратификации языков-лексификаторов, к которым восходит базовый словарь пиджина, и склонны сопоставлять пиджины с соответствующими нормативными языками. Диссертант лишен этого недостатка и при описании суперстративных явлений в исследуемом языке регулярно соотносит его не с русской литературной нормой, а со спецификой русской разговорной речи (стр. 72, 82 и др.).

В Заключение Н. А. Жданова формулирует выводы и намечает перспективы дальнейших исследований.

Приложение носит иллюстративный характер и остается лишь пожелать, чтобы собранный полевой материал был опубликован в полном объеме.

Знакомясь с диссертацией, естественно, интересуешься, как автор видит будущее описываемого языка.

Прогнозы в отношении судьбы таких хрупких коммуникативных систем, как пиджина, ненадежны. И Н. А. Жданова совершенно права, когда пишет о будущем забайкальского пиджина «он может подвергнуться как устойчивой стабилизации и расширению, так и, напротив — уходу в небытие» (стр. 50). На мой взгляд, в эпоху глобализации шансы на стабилизацию пиджинов (как старых, так и вновь возникающих), тем более на появление новых креольских языков, близки к нулю. Но и «уход в небытие» может растянуться на десятилетия. Наиболее вероятным мне представляется сценарий постпиджинного континуума с акролектом, приближающимся к стандартному русскому языку и базилектами у новых носителей пиджина. По сути это подтверждает и диссертант, отмечая, что некоторые носители пиджина «пытаются самостоятельно осваивать русский язык в свободное от работы время по русско-китайским самоучителям и разговорникам» (стр. 49).

Замечания к тексту диссертации носят непринципиальный характер.

Н. А. Жданова пишет, что важнейшим условием возникновения пиджина «является отсутствие мотивации к изучению другого языка» (стр. 18). Это не совсем верно: при

торговле у продавца всегда есть мотивация в освоении языка покупателя⁴, другое дело, что торговцу на рынке не за чем учить язык покупателя в полном объеме, для него достаточно наладить элементарное взаимопонимание. Об этом пишет и диссертант: «Главные носители пиджина — китайцы (чаще являющиеся торговцами) — более всего заинтересованы в вербальной коммуникации в силу профессиональной необходимости» (стр. 57). Не следует забывать, что это мы, лингвисты, считаем возникающую коммуникативную систему пиджином, отдельным языком со своей собственной структурой, а контрагенты, занятые элементарной торговлей, считают этот язык (ломаным) русским.

В грамматическом описании пиджина несколько удивляет термин *словоформа* (стр. 77, 102, 103). Диссертант убедительно показывает, что словоизменения как такового в пиджине нет, и, например, у глаголов выбор вариантов, восходящих к русскому императиву и инфинитиву, носит случайный характер.

Использование в диссертации условной русской орфографии вполне оправдано, однако известная проблема русской графики, факультативность использования буквы ё, оставляет некоторые неясности. Записи типа *седня* (стр. 85), *дешево* (стр. 85, 94, 97) в речи китайцев вызывают недоумение: вероятно, имеются в виду *сѣдня*, *дѣшево* и т. п.

Я заметил лишь одну досадную опечатку, связанную с перекодировкой. В краткой характеристике одного из русских пиджинов, руссенорска, сказано «ср. норв. *pe* ‘в, на, к’» (стр. 33). Здесь в качестве гласной в норвежском слове вместо норвежской буквы *å* (юникод 00E5, читается близко к русскому [o]) фигурирует русская буква *e* (юникод 0435).

Стиль диссертационного исследования в целом соответствует нормам научной прозы, однако позволю себе высказать одно замечание.

Ссылаясь на мою публикацию 1997 г. Н. А. Жданова пишет: «В. И. Беликов считает неясным [разрядка моя. — В. Б.], что служит языком коммуникации при возобновившихся в последние годы русско-китайских пограничных контактах в районе Благовещенска — Хэйхэ и других пунктах. Но он допускает возможным повторное возникновение русско-китайского контактного языка» (стр. 41).

Praesens historicum при изложении чьих-то взглядов не всегда уместен: одни положения остаются неизменными, другие корректируются историей. В 1997 г. фактическая языковая ситуация была совершенно неописанной, так что трудно было считать что-то ясным, можно было лишь предполагать. Но после публикаций Е. А. Оглезневой и Ян Цзе в 2007 году многое стало ясным в отношении Забайкалья и Благовещенска — Хэйхэ. В отношении Приморья всё тоже достаточно ясно: хотя лингвисты обходят вниманием языковую ситуацию в Суйфэньхэ (на дальневосточном русском — *в Суньке*), в интернете легко найти любительские записи фраз типа *Карефана, смотри какой плитка, Подлуга, ходи сюда!* Это недвусмысленно подтверждает функционирование там торгового пиджина

⁴ Вспомним двуязычное высказывание, приписываемое федеральному канцлеру Вилли Брандта: *If I am selling you, I speak your language. If I am buying dann muessen Sie Deutsch sprechen.*

Указанные мною мелкие недочеты ни в коей мере не снижают научных достоинств диссертации и не влияют на ее высокую оценку. Завершая отзыв, могу констатировать, что:

- в диссертационном исследовании Н. А. Ждановой содержится решение научной задачи описания русско-китайского пиджина Забайкалья;
- диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения и свидетельствует о личном вкладе Н. А. Ждановой в науку;
- основные положения диссертации отражены в восьми публикациях Н. А. Ждановой, из которых три статьи опубликованы в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Автореферат диссертации в должной степени отражает ее содержание.

Таким образом, кандидатская диссертация Н. А. Ждановой полностью отвечает критериям, установленным пунктами 9, 10, 11 и 13 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор заслуживает присвоения искомой ученой степени по специальности 10.02.19 — теория языка.

Официальный оппонент,
профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образова-
ния «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова», доктор филологических наук

Беликов Владимир Иванович

119991 ГСП-1 Москва, Ленинские горы
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов,
Филологический факультет,
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики.
Электронная почта: otipl@philol.msu.ru
Телефон: +7(495) 939-2601

Подпись руки проф. В. И. Беликова заверяю

